

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ИСКРА БОЖЕКА

Театральная комиссия областного управления культуры, подведя итоги творческого соревнования актеров одесских театров, признала лучшей ролью сезона 1966—1967 года роль Мусия Копыстки, сыгранную артистом театра имени Октябрьской революции Юлием Божеком в спектакле «97».

Есть люди, одаренные природой настолько щедро, что все, к чему они прикоснутся, кажется их истинным призванием. Если бы Юлий Божек не стал актером, из него наверняка получился бы неплохой инженер, портной, поэт, художник, музыкант и даже композитор. Ибо каждая из этих несостоявшихся профессий занимает в его жизни немалое место. На доньшке каждого «хобби» Божека сжатой пружинкой пригнана озорная мысль: а вдруг что-нибудь да получится!

И, представьте, получается! Нужно шить костюм, или пару обуви, построить лодку или собрать мотор к ней — пожалуйста! А знаете ли вы, как делается скрипка? Юлий Иванович вполне профессионально поводит вас в тайны древнего скрипичного искусства, а не поверите — покажет почти готовую скрипку, любимое детище, которому отдано много часов тонкого, ювелирного труда.

Неисповедимы пути актера на сцену: одних туда приводит призвание, других — случай. Юлий Божек никогда и в помыслах не мечтал быть актером. С детства его влекла совершенно другая стихия — море. Когда в 1936 году молодой моряк приехал в очередной отпуск, случайно увиденное в трамвае объявление о наборе слушателей в студию актера при кинофабрике «ВУФКУ» решило его судьбу.

Пятнадцать лет жизни Божек отдал ТЮЗу. Он трудился честно и с удовольствием. Какие только роли не переиграл! Мольеровский Скапен, Вожак из «Оптимистической трагедии», комиссар

Воробьев, гоголевский жених Подколесин... Отличная была школа.

В украинский театр Божек пришел уже зрелым мастером. Первые же сыгранные им роли обратили на себя внимание. В пьесе Алешина «Точка опоры» он сыграл старого рабочего Левшина, талантливого, но трудного и неуживчивого человека. Вообще люди труда, умельцы всегда были близки дарованию Божека. Следующая роль была полярно противоположна первой — «человек в потертом костюме» из «Северной мадонны». Отщепенец, эмигрант, не имеющий даже имени, однако сохранивший остатки порядочности по отношению к своей далекой потерянной Родине. Это был трагический образ. Роль шкипера Грозы из «Страницы дневника» Корнейчука, которую Божек избрал вслед за этой, еще более утвердила его в ролях трагедийного плана, хотя Юлий Иванович честно признается, что всегда ощущал себя «немолодым, но положительным социальным героем».

А потом пришел Копыстка.

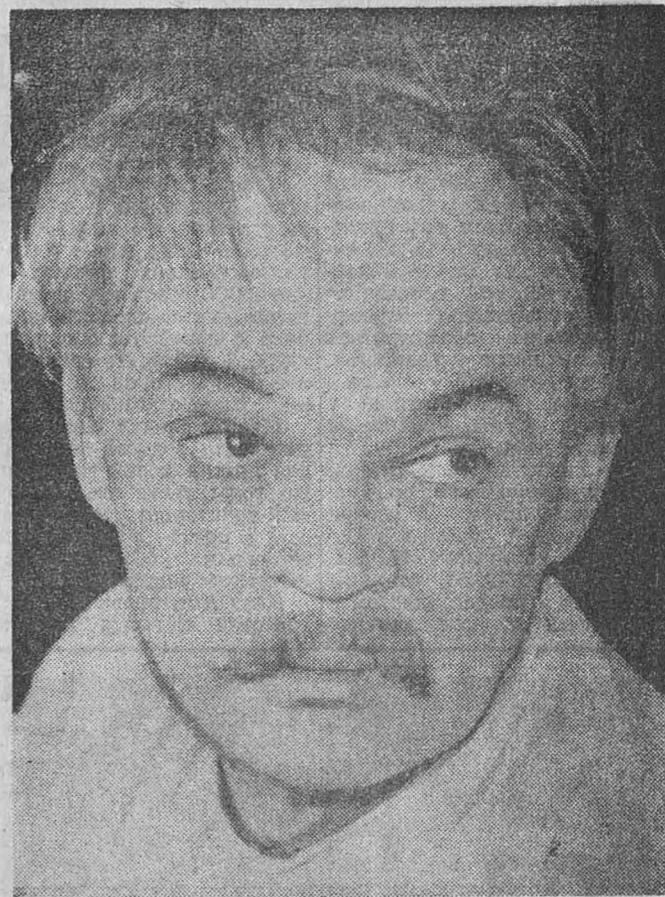
У каждого актера есть эта роль — главная роль всей его жизни. Для Божека ею стала роль Мусия Копыстки из пьесы Кулеша «97». Об этой его работе уже существует целая литература, каждый критик находит в ней что-то новое, не замеченное предшественниками, и все-таки она неисчерпаема, как глубокий степной колодезь.

Сила обаяния Копыстки — в органичном соединении таких несоединимых вещей, как простоватость — и истине государственный ум, наивность — и глубинная народная мудрость, истовая серьезность — и ехидный хохлацкий юмор. Копыстка был одним из тех, ради кого свершилась Революция

и кто сразу почувствовал на себе ее распрямляющую силу. В этом простом безграмотном крестьянине дремлет, по меньшей мере, министр. Мы верим в это, глядя, с каким веселым остервенением одолевает Копыстка грамоту, все эти трудные «совецкие слова», как он удивительно вовремя умеет применить их как оружие против классового врага. В Копыстке драгоценно это властное ощущение себя хозяином новой жизни. Это неведомое раньше чувство заставляет его вмешиваться во все дела, которые касаются родной «совецкой власти». И если ей грозит опасность, чудаковатый Мусий вмиг становится олицетворением воли и решимости, и безошибочное классовое чутье выводит его на верную дорогу из самой сложной ситуации.

Копыстку отличает глубокая убежденность в победе Советской власти. И когда кулаки ведут его на расстрел, он сурово и деловито дает последние наставления жене, потому что когда вернется Смык — «будет следствие» и она должна дать свидетельские показания, а в том, что Смык вернется и следствие будет, он не сомневается ни на минуту, хоть сейчас, окруженный зловонным кулачем, он совершенно один. О доброте Копыстки, его грубоватой нежности к жене, его редком чувстве, такте и врожденной интеллигентности можно говорить и говорить — и все-таки чудо, именуемое Мусием Копысткой, останется в какой-то степени «загадкой».

— А вы знаете, Копыстка долго сопротивлялся им, — рассказывает Юлий Иванович. — Теперь кажется, что его не сыграть по-иному. А тогда меня почему-то упорно тянуло в комедийность, хотелось сыграть его этаким шутником-балагуром, а роль, согласитесь, дает большой простор для такой трактовки.

Но режиссер упорно поворачивал меня в сторону большей социальной весомости образа. И в конце концов я подчинился. Нет, не просто механически подчинился — я принял правоту режиссера и сумел преодолеть внутреннее сопротивление. Юмор, конечно, остался — без него Копыстка не был бы Копысткой, — но он перестал быть самоцелью. Да, так-то оно было с Копысткой — и не только с ним. Весь мой актерский путь — не что иное, как преодоление самого себя во имя высшей правды — правды Искусства. Это нелегко. Но зато это дает такую полноту счастья, которую не сравнить ни с чем.

Мы сидим в красном уголке театра за длинным «председательским» столом, накрытым неизбежной плюшевой скатертью. Божек чему-то улыбается и вдруг, без

всякой видимой связи, говорит:

— Не могу уехать надолго из Одессы. Тянет назад. Прямо какая-то местная нестальгия; необыкновенно и о люблю море. Мне необходимо постоянно ощущать его близость. Я могу месяцами не видеть его, но я должен знать, что оно рядом. В моей комнате мне слышен шум и запах прибоя. Нет, это не метафора, я действительно живу у моря. А подводный мир! Что вы, купальщики, знаете об этом царстве красоты!..

Я слушаю его увлеченный рассказ и думаю: как его не все хватает! И зачем ему нужно все сразу? Нужно! Без этого ощущения радости бытия, ощущения жизни во всем ее бесконечном разнообразии, во всей ее полноте не может быть значительных свершений. Ни у кого!

Б. ЕЗЕРСКАЯ.